

Сюэ Фэйфэну нестерпимо хотелось проглотить этого оборотня из маша целиком, чтобы сбить внутренний жар, но правила в военном лагере были строгими, и он должен был подавать пример. Ему ничего не оставалось, кроме как держать эту дерзкую маковую крупинку во рту, посасывая и облизывая, раз за разом убеждаясь, что тот лишь немного похудел. Если снять с него скорлупу, внутри он всё такой же белый и упругий, и в будущем, когда всё успокоится, стоит лишь добавить немного воды, как он снова прорастет беленьким, пухленьким ростком маша.

Из-за изнурительной работы в поле у Шэнь Цинжаня болела каждая мышца при малейшем движении рук или ног. Он лежал, пока Сюэ Фэйфэн осматривал его, и, прикрыв один глаз рукой, пробормотал:

— Дай-ка посмотрю, остыл ли генерал?

Сюэ Фэйфэн недовольно одевал его. Он делал резкие движения, словно хотел показать, насколько он рассержен, но стоило его рукам коснуться тела Шэнь Цинжаня, как прикосновения становились нежными, словно весенний ветерок или теплый дождь.

У этого оборотня из маша были все основания вести себя дерзко.

Шэнь Цинжань поудобнее устроился в объятиях Сюэ Фэйфэна, игриво касаясь босыми пальцами ног звериной шкуры под ними, и нанес упреждающий удар:

— И ты спишь на этом каждую ночь?

Где же обещанный соболий мех?

Сюэ Фэйфэн ответил с абсолютной уверенностью в своей правоте:

— Лагерь временный, так что условия соответствующие.

А какая разница, на чем спать, если жены рядом нет?

— В любом случае, ты меня обманывал, а я тайком от тебя полмесяца сажал хлопок в поместье — значит, я тоже тебя обманул. Мы квиты. И не смей винить Чан Чань и остальных, это я их заставил.

Сюэ Фэйфэн понимал, что трудности в военном лагере неизбежны, а вот Шэнь Цинжань сам нашел себе приключения на голову, так что ни о каком «мы квиты» и речи быть не могло. Если он спустит это с рук сейчас, кто знает, что Шэнь Цинжань выкинет в следующий раз? Действуя втихую, он умудрился скрыть всё так, что Сюэ Фэйфэн не получил ни единой восточки! Четверо охранников молчали как рыбы, а если прибавить Му Вэнькоу, помогавшего заметать следы — то и все пятеро.

Шэнь Цинжань пустился в объяснения:

— Сам подумай: если бы мне было скучно, и я, томясь в одиночестве, да еще и с переизбытком энергии, нашел бы кого-нибудь на стороне? Конечно, мне нужно было чем-то себя занять... М-м-м.

Его губы накрыл поцелуй-укус.

Шэнь Цинжань прикрыл рот рукой и, рискуя быть укушенным снова, продолжил:

— Небо высоко, император далеко — я всё равно буду заниматься сельским хозяйством. Разница лишь в том, хочешь ли ты об этом знать или нет.

Он дал искренний совет:

— Если боишься расстраиваться, просто закрывай на это глаза. Я буду писать тебе каждый день, рассказывая, как вышиваю, расставляю цветы в вазы, выгуливаю кошек и играю с собаками.

— Да как ты смеешь! — Сюэ Фэйфэн разозлился еще больше. — Даже у тетушки Чжан есть время для страды и отдыха. Сейчас уже пятый лунный месяц, не мог бы ты немного передохнуть? В Цинчжоу и Миньчжоу свободной земли не осталось, так что скажи мне, куда ты собрался дальше? Если посмеешь покинуть эти две области, клянусь, ноги переломаю!

Дальше по плану было разведение кур, уток и лошадей.

Шэнь Цинжань не посмел признаться, испугавшись за свои ноги. Он заискивающе поцеловал Сюэ Фэйфэна:

— Всё, отдыхаю, честное слово! Не волнуйся, до созревания риса я не покину виллу «Тянься». Буду сидеть там и никуда не пойду. Если сделаю хоть шаг за пределы — клянусь, я не человек!

Шэнь Цинжань клялся с таким пылом, что Сюэ Фэйфэн почувствовал подвох, но не мог понять, в чем именно.

— Без глупостей у меня.

Шэнь Цинжань закивал с неистовой скоростью:

— Никаких глупостей, ни-ни.

Он накрутил прядь волос Сюэ Фэйфэна на палец и тихо спросил:

— А ты? Куда ты отправишься теперь?

Ситуация в двух южных провинциях стабилизировалась, к тому же маркиз Юйчан привез золото и серебро. Сюэ Фэйфэн не из тех, кто останавливается на достигнутом — наверняка он планирует отправиться на более опасные поля сражений?

Порой Шэнь Цинжань страстно желал удержать Сюэ Фэйфэна хотя бы на три месяца, пока не вырастут боевые кони и не созреет рис, а еще лучше — подольше, пока не будут готовы зимние куртки...

Но он понимал, что политическая обстановка меняется со скоростью ветра. Элемент неожиданности сейчас на стороне Сюэ Фэйфэна. Если промедлить еще несколько дней, кто знает, не поддастся ли Сюэ Лифэн вновь уговорам подлецов и не объединится ли опять с Бэйхуэем, предав страну?

Между Сюэ Лифэном и Сюэ Фэйфэном — кровавая вражда, и они не успокоятся, пока один из них не будет мертв. Сам Сюэ Лифэн мастерски продавал родину, и если Бэйхуэй пообещает ему защиту, он, того гляди, с радостью распахнет ворота государства, позволив им беспрепятственно спуститься на юг, чтобы расправиться с Сюэ Фэйфэном. А на обратном пути они заодно захватят и новую столицу Великой Ци.

Близорукий и глупый Сюэ Лифэн вполне способен на такое. Сейчас его удерживает от глупостей лишь то, что старый император всё еще имеет над ним власть.

Прежде чем отражать внешнюю угрозу, нужно навести порядок внутри страны. Сюэ Фэйфэн и императорский двор временно заключили перемирие на условиях невмешательства, формально признав подчинение двору для совместной борьбы с Бэйхуэем.

Сначала предстоит поход на Юго-Запад, а затем — бросок на Север, чтобы сойтись в решающей битве с Бэйхуэем.

— Будь осторожен, — Шэнь Цинжань вложил в эти два слова всю свою тревогу, не в силах сказать больше. Юго-Запад таит в себе множество опасностей: обычаи, климат, сама природа там сильно отличаются от Центральных Равнин. У него было слишком много поводов для беспокойства.

— Не недооценивай маркиза Юйчана. Он пустил корни на Юго-Западе сорок лет назад. С его поддержкой всё пройдет гладко.

Сюэ Фэйфэн мог позволить себе переночевать и отдохнуть в хлопковом поместье лишь эту ночь, а уже завтра ему предстояло свернуть лагерь и покинуть Цинчжоу.

— Может, ты переночуешь здесь, со мной? Я пошлю Чан Мина в поместье за нормальными тюфяками, не спать же тебе на сене... — Палатка была до того убогой, что Сюэ Фэйфэну было стыдно об этом говорить.

Шэнь Цинжань с досадой уткнулся лбом в грудь Сюэ Фэйфэна:

— Я бы с радостью, но мне нужно срочно сажать помидоры.

— Опять что-то такое, чего здесь нет?

— Угу. Поблизости нет свободных полей, придется ехать подальше. Но ты не волнуйся, как только всё посажу, сразу вернусь на виллу.

Сюэ Фэйфэн подумал, что важных дел в лагере вроде бы не предвидится, а он так давно не работал в поле вместе с Шэнь Цинжанем, и сказал:

— Я поеду с тобой.

— Нет, — отрезал Шэнь Цинжань. — Это займет много времени, а тебе завтра вставать ни свет ни заря.

— Ничего страшного. Я давно не носил тебя на спине. — Сюэ Фэйфэн прекрасно понимал, что впереди их ждет долгая разлука, и ценил каждое мгновение. Обнимая мягкого, теплого мужа, как он мог позволить ему уйти?

Труд земледельца тяжел, и как муж, он не мог полностью разделить его бремя, но обязан был участвовать настолько, насколько это возможно.

...

Управляющий хлопковым поместьем выделил им один му земли, до которого было две четверти стражи (полчаса) пути верхом.

Шэнь Цинжань изящно вскочил на лошадь, желая покрасоваться перед Сюэ Фэйфэном. Это был один из немногих крутых навыков, которые он мог продемонстрировать в этой древней эпохе (хоть всё и ограничивалось лишь эффектным взлетом в седло).

Сюэ Фэйфэн, держа за поводья Юйцуна, с трудом подбирал слова:

— Тебе не приходило в голову поехать со мной на одной лошади?

— Забыл, — Шэнь Цинжань почесал щеку и позволил Сюэ Фэйфэну, ухватив его за воротник, перетащить к себе в седло.

— Подожди-ка, а когда ты успел научиться ездить верхом? — Сюэ Фэйфэн помнил, что Шэнь Цинжань не умел ездить верхом — он даже управлять повозкой с осликом учился целое утро. Но судя по тому, как он только что вскочил в седло, он явно владел техникой.

Шэнь Цинжань поперхнулся. После того как его тайна была раскрыта, он слишком расслабился и забыл, что перед Сюэ Фэйфэном нужно притворяться.

— Научился, пока тебя не было.

Генерал почувствовал укол разочарования. Он мечтал сам научить Шэнь Цинжаня ездить верхом. Еще тогда, когда тот учился управлять повозкой, генерал представлял, как посадит его на Юйцуна и поведет лошадь под уздцы, а Шэнь Цинжаню придется умолять его, чтобы слезть. Одного поцелуя было бы мало — он бы воспользовался возможностью как следует «наказать» его.

— Почему не дождался, пока я тебя научу? — с искренним сожалением спросил он.

Шэнь Цинжань заерзал в седле, но Сюэ Фэйфэн удержал его на месте. Шэнь Цинжань пробормотал:

— Я... я довольно неуклюжий, боялся, что ты будешь злиться.

Как удачно сложилось — генерал обожал обучать неуклюжих учеников.

— Я сейчас научу тебя кое-чему другому.

Шэнь Цинжань залился румянцем. Он так и знал, что у Сюэ Фэйфэна на уме одни непристойности!

Сажая помидоры, Сюэ Фэйфэн в полной мере продемонстрировал ловкость Юйцуна и свое высочайшее мастерство наездника. Высокий и мощный боевой конь скакал по полю, ступая точно в узкие междурядья и не повредив ни единой насыпанной грядки.

Под порывами вечернего ветра семена сыпались из пальцев прямо в подготовленные борозды. А когда Юйцун поворачивал, Сюэ Фэйфэн, обхватив Шэнь Цинжаня за талию, украдкой целовал его.

А шедшие следом братья Чан, кряхтя и засыпая семена землей, думали: «...» Эх, бросить бы всё это и уехать домой жениться.

В темно-синем небе висел месяц. Шэнь Цинжань сидел на меже, прислонившись к Сюэ Фэйфэну, и думал о том, как было бы замечательно, если бы каждый раз можно было сажать вот так.

Он проделал палкой несколько лунок и посадил на меже ряд рассады помидоров. Рассада растет быстрее, но одному ему было не справиться с большим объемом, поэтому он посадил лишь несколько кустиков в качестве ориентира.

Затем он выкопал борозду и посадил ряд маша. Засыпая его землей, он с улыбкой посмотрел на Сюэ Фэйфэна:

— Я и правда оборотень из маша, я не врал.

В его глазах плясали веселые искорки, полные такого удовлетворения, будто он владел всем звездным небом, словно свободный, беззаботный лесной дух, парящий по ветру.

Сюэ Фэйфэн нежно поглаживал его по спине, массируя ноющие мышцы. Он мечтал подарить Шэнь Цинжаню именно такую жизнь и хотел, чтобы этот день наступил как можно скорее.

Ближе к утру Сюэ Фэйфэн нашел крестьянский дом, где они с Шэнь Цинжанем остановились на ночлег. Еще до рассвета он поднялся первым и у порога сурово отчитал братьев и сестру Чан:

— Вы вправе считать Шэнь Цинжана своим господином, но вы должны четко понимать, какие его приказы выполнять, а какие — нет. Впредь такого быть не должно.

Шэнь Цинжань крепко спал. Сюэ Фэйфэн нежно поцеловал его в щеку:

— Жань-Жань, я пошел.

Он выбрал крестьянский дом вместо военного лагеря именно для того, чтобы Шэнь Цинжань не видел, как он уводит войска.

Он не дал ему возможности попрощаться, потому что не мог вынести, если Шэнь Цинжань снова будет смотреть ему вслед.

Стук копыт, смахивающих утреннюю росу с травы, становился всё тише и тише.

Солнце стояло уже высоко, когда Шэнь Цинжань проснулся в легком оцепенении. Почти полмесяца он не знал, что такое спать допоздна, и сейчас его словно парализовало — хотелось проспать дня три подряд.

— Сюэ Фэйфэн... — позвал он, протирая глаза.

На зов вошел Чан Мин:

— Господин Шэнь, вы проснулись?

Шэнь Цинжань замер. Потрогав остывшую половину подушки, он пробормотал:

— Он уехал.

— В это время армия уже покинула пределы Цинчжоу.

— Вот как, — с грустью произнес Шэнь Цинжань. Он моргнул, прячая блеснувшие слезы, и добавил: — Тогда и мы отправляемся.

Чан Мин схватился за сердце: смотреть на госпожу было невыносимо больно.

Генерал слишком жесток!

Перед отъездом Шэнь Цинжань посадил у крестьянского дома персиковое и сливовое дерево.

В этом месте они провели с Сюэ Фэйфэном одну ночь, и он хотел, чтобы здесь распустились бело-розовые цветы.

Настанет день, когда он пойдет по стопам Сюэ Фэйфэна, и его ученики, словно персики и сливы, разойдутся по всей Поднебесной.

...

Горная вилла «Тянься».

Му Вэнькоу уже давно подготовил для Шэнь Цинжаня пастбище: между двумя горами, на территории радиусом в десять ли, с ручьями, лугами, конюшнями, окруженное забором, с манежем и двадцатью объездчиками.

Шэнь Цинжань сразу запросил у Системы шесть тысяч монгольских лошадей — эта древняя степная порода идеально подходила для войны, да и объездчикам был знаком их нрав.

А затем еще двести уток, чьи белые перья покачивались на зеленой воде под их неумолчное криканье.

Пастбище тщательно охранялось, но Сюэ Фэйфэн всё равно не мог успокоиться и выделил отряд, солдаты которого под видом обычных крестьян поселились вокруг виллы.

В письме к Сюэ Фэйфэну хитрый Шэнь Цинжань написал, что разводит всего тысячу лошадей, скрыв остальные пять тысяч.

Разведение лошадей отнимало всё его время, и у него почти не было других крупных поступлений баллов. Ему казалось странным, что с тех пор, как у него появилась Система, вещи, которые он выращивал без особого старания, часто приносили баллы за достижение селекционных целей — например, орхидея повара Чжана, лесополоса на Каменной горе, гнилые грибы... А вот основное занятие, в которое он вкладывал душу — хлопок, картофель, рис — ни разу не увенчалось селекционным успехом.

Если количество определяет вероятность мутаций, то уж риса и хлопка он посадил предостаточно.

Но результатов не было.

Он ни разу не получал бонусных баллов за них.

Неужели ему просто не везет с основными культурами?

Шэнь Цинжань задумчиво грыз ноготь, чувствуя, что здесь что-то не так. В этот момент Чан Мин сообщил, что Пань Юньси пришла к нему по какому-то срочному делу.

Шэнь Цинжань отложил сено, которым кормил лошадей, вымыл руки и сказал:

— Пусть барышня Пань подождет в передней гостиной.

Путь от деревни Лицзяцунь занимал как минимум три дня. То, что Пань Юньси проделала

такой нелегкий путь, означало, что в деревне, скорее всего, стряслось что-то серьезное, с чем не могли справиться даже «супруги», оставленные Сюэ Фэйфэном в качестве соглядатаев.

<http://bllate.org/book/17933/2086042>